

• Э. В. СЕВОРТЯН

ВСЕГДА ЛИ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕОБХОДИМ
ФОНЕТИЧЕСКИЙ АРХЕТИП ВСЕГО СЛОВА?

(По данным тюркских языков)

Понятие архетипа, или праформы, достаточно старо в сравнительно-историческом языкознании, хотя и обозначалось в разные периоды истории языкознания разными терминами.

Менялось не только обозначение понятия, не оставалось однородным и его содержание. В языкознании XIX и XX вв. это понятие в сущности вытекало из того, как понимались цели и задачи, которые ставились в исторических, а еще более в сравнительно-исторических и особенно в этимологических разысканиях, оно прямо или косвенно следовало из языковедных представлений и понятий, господствовавших в каждый определенный период. Изменялись языковедные представления, изменялось понимание задач этимологических исследований, изменялось и понятие праформы слова, лексической основы, при этом независимо от того, шла ли речь об этимологических исследованиях в рамках отдельного или в масштабе всех языков того или иного генеалогического объединения: исходные теоретические основы данного направления историко-этимологических работ оставались в обоих случаях одни и те же.

Для первой половины или середины прошлого века с распространенными в индоевропейском языкознании представлениями о корне слова¹ было типичным присутствие в этимологических решениях указания на корень этимологизируемого слова (или основы), как это мы видим, например, в одном из ранних трудов по сравнительно-исторической лексикологии — в этимологическом словаре романских языков Ф. Дитца², близком по времени своего выхода к «Sprachvergleichende Untersuchungen» и «Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht» А. Шлейхера, также изданным в Бонне.

Почти через 60 лет после первого издания словаря Ф. Дитца появился новый этимологический словарь романских языков В. Мейера-Любке³. За истекший более чем полувековой период в сравнительно-историческом языкознании произошли принципиальные изменения, прямо коснувшиеся также и этимологических разысканий. Под влиянием результатов, полученных языковедами младограмматического направления в исследованиях по сравнительно-исторической фонетике индоевропейских языков, прежние представления об индоевропейском корне уступили свое место новой интерпретации, согласно которой глагольный или именной корень в индоевропейских языках представляет собой больше теоретическое построение,

¹ М. М ю л л е р, Наука о языке, Воронеж, 1868; А. F i c k, Wörterbuch der indogermanischen Grundsprache, Göttingen, 1968.

² F. D i e t z, Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen, Bonn, 1853 (5-е изд. — Bonn, 1887; 4 и 5-е изд., просмотренные автором, были осуществлены А. Шелером).

³ W. M e y e r-L ü b k e, Romanisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1911—1914 (2-е изд. — Heidelberg, 1911—1920; 3-е перераб. изд. — Heidelberg, 1935).

чем реально доказуемый исторический факт. К этому же заключению пришли русские языковеды и раньше других А. А. Потебня ⁴.

В тесной связи с этим в этимологических разысканиях внимание исследователей переместилось с вопроса о морфемном составе слова на его фонетический состав, на слово как фонетическое целое.

Специальные этимологические исследования в тюркском языкознании начались значительно позже и после выхода в свет первого этимологического словаря тюркских языков — словаря А. Вамбери ⁵ — надолго прервались и лишь через восемьдесят с лишним лет возобновились вновь, приняв уже более или менее систематический характер ⁶. До этого последнего периода этимологические работы в тюркологии сосредоточивались на отдельных словах и к середине нашего столетия в тюркологии накопился значительный материал по этимологическим разработкам, начатым еще трудами Л. З. Будагова, О. Бётлингга, Ю. Т. Ценкера, а затем в более широких масштабах трудами В. В. Радлова, и продолженным далее — вплоть до настоящего времени — целым рядом выдающихся отечественных и зарубежных тюркологов: Ф. Е. Коршем, П. М. Мелиоранским, А. И. Самойловичем, С. Е. Маловым, Е. В. Поливановым, В. А. Гордлевским, Н. К. Дмитриевым, А. Н. Кононовым, В. Бангом, Г. Рамstedтом, Э. Гомбоцом, Ю. Неметом, К. Брокельманом, М. Рясняном, А. фон Габен, К. Г. Менгесом, Дж. Клоусоном и др.

По своим научным основам этимологические работы в тюркском языкознании не были однородными. Большинство их шло в русле классической, традиционной тюркологии, однако заметная и в последние десятилетия все растущая часть этимологических разработок проводилась с позиций теории родства алтайских языков — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (работы Вл. Котвича, Г. Рамstedта, М. Рясняна, Н. Поппе, А. Йоки и др.) с присоединением к ним корейского и в меньшей мере японского языков (работы Е. Д. Поливанова, Г. Рамstedта), или еще шире — с позиций общности урало-алтайских языков (М. Ряснян, А. Соважо, Д. Шинор, Б. Коллиндер и др.).

Остановимся на некоторых особенностях тюркских языков, существенных для рассматриваемого здесь вопроса. Мы имеем в виду фузию — морфонетические изменения, которые происходят в слове в местах соединения морфем, в результате чего исчезает граница, например, между производящей основой (resp. корнем) и словообразовательным аффиксом и образуется новая основа, уже не членимая на исходные морфемы, как об этом писал В. В. Радлов в своих «Einleitende Gedanken» ⁷.

В тюркологии фузия рассматривается также в качестве исторического способа соединения морфем, главным образом аффиксальных, как об этом пишет, например, А. Н. Кононов ⁸.

⁴ А. А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, I—II, 2-е изд., Харьков, 1888.

⁵ H. V á m b é r y, Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen, Leipzig, 1878.

⁶ В. Г. Е г о р о в, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964; «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі», Алматы, 1966; G. D o e r f e r, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen... I — Mongolische Elemente im Neupersischen, Wiesbaden, 1963; II — Türkische Elemente im Neupersischen..., Wiesbaden, 1965; III — Türkische Elemente im Neupersischen..., Wiesbaden, 1967; M. R ä s ä n e n, Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki, 1969; G. C l a u s o n, An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish, Oxford, 1972.

⁷ W. R a d l o f f, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türk-sprachen, SPb., 1906, стр. 22.

⁸ А. Н. К о н о н о в, Фузия в тюркских языках, сб. «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 108—310 (здесь же основная литература вопроса).

Случаи фонетического преобразования границы производящей основы и словопроизводного аффикса в тюркских языках относительно немногочисленны и количественно не идут в сравнение с индоевропейскими языками с их флексией, которая во многих случаях препятствует вычленению корневой (resp. производящей) и словообразовательной морфем. В тюркских языках, за исключением определенной части односложных лексических основ, куда входят также и корни, преобладающее большинство неодносложных именных и глагольных основ достаточно ясно делится на производящую, включая сюда также и корневую, основу и словообразовательный показатель. Понятие корня в тюркских языках является не научным выводом или теоретическим построением, но реальной лексической единицей, функционирующей в тюркских языках во все периоды их истории. В дополнение к этому наиболее распространенные корни образуют гнезда со своими производными, из которых их корень легко выделяется. В свою очередь словообразовательные аффиксы — продуктивные и непродуктивные — также образуют гнезда производных слов, более обширные чем корни, и из этих производных столь же доказательным образом вычленяются словообразовательные аффиксы.

Членимость неодносложной (в ряде случаев и односложной) основы — в том числе также двухсложной — на производящую основу и словообразовательный аффикс открывает возможность этимологизации слова по его составляющим элементам, т. е. морфемам. Именно так этимологизировались структурно затемненные основы в тюркских языках с самого зарождения тюркского языкознания. Так, но чисто интуитивно, поступал, например, Махмуд Кашгарский в своем «Диване»⁹. В прошлом столетии первые этимологии в тюркском языкознании строились на анализе корневой части этимологизируемого слова, как это можно видеть в словарях Л. З. Будагова¹⁰, Ю. Т. Ценкера¹¹, А. Вамбери¹² и затем В. В. Радлова¹³.

В последующие десятилетия сам принцип этимологизации в тюркологии не менялся, но в методику были внесены некоторые существенные дополнения двоякого рода: 1) было обращено внимание на словообразовательный компонент лексической основы, без анализа и квалификации которого морфемный анализ слова не может считаться законченным, и 2) поднят на современный уровень фонетический анализ в ходе этимологизации, а у ряда авторов выдвинут на передний план в качестве центральной задачи этимологического анализа. На словопроизводный аффикс ссылался порою в своих этимологиях уже А. Вамбери, а затем более регулярно В. В. Радлов.

⁹ «Divanü lûgat-it-Türk», çeviren Besim Atalay, I—III, Ankara, 1943; «Divanü lûgat-it-Türk» tipkibasımı «Faksimile», Ankara, 1941.

¹⁰ Л. З. Б у д а г о в, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, I — СПб., 1869; II — СПб., 1871 (примеры: *бөрөк* «пирожок» < *بوروشمك* (2) «стягивать, собирать сборы» I₂₇₇; *бичен* «сено» < *бич* «жать, косить» I₂₄₄; *бөрүк* «шапка» < *بورمك* 4) «покрывать, накрывать» I₂₇₇; сравнивались чагат. *беслемек* и *бесмек* «кормить, воспитывать» I₂₅₈ и ряд др.).

¹¹ J. Th. Z e n k e r, Dictionnaire Turc-Arab-Persan, 1 — Leipzig, 1866; 2 — Leipzig, 1876 (примеры: *бичен* «сено» < *бич* «жать» I₁₇₈; *барышмак* «мириться» < возвр. от *бармак* «ходить друг к другу»; *бертмек*, *буртмек* «вывихнуть» < понуд. от *бурмак* I₁₈₆; *башламак* «начинать» — ср. *баш* и *башар* I₁₆₅ и др.).

¹² H. V á m b é r y, Etymologisches Wörterbuch der Turko-tatarischen Sprachen, Leipzig, 1878; е г о ж е; Die primitive Cultur des turkotatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen, Leipzig, 1879.

¹³ В. В. Р а д л о в, Опыт словаря тюркских наречий, I—IV, СПб., 1893—1911 (примеры: *бичен* «сено» < *бич* «жать, скашивать» IV₁₃₄₈; *билäsik* «браслет» < *biläk* + *jüejük* IV_{1388, 1762, 1794}; *bäclä-* «кормить» < *bäs* + *Iä* IV₁₆₂₈₋₁₆₂₉; *bäklä-* «ждать» < *bäk* + *Iä* IV₁₅₇₈; *башкар* «господствовать» < *баш* + *кар* IV₁₅₅₄; *башак* «колос» < *баш* + *ак* IV₁₅₅₄₋₁₅₅₅; *балауз* «воск» < *пал* + *јагыз* IV₁₄₉₁ и др.).

В исследованиях П. М. Мелиоранского¹⁴ и Ф. Е. Корша¹⁵ этимологические разыскания велись на новом уровне с равным вниманием к корневому и словообразовательному компонентам анализируемой основы, к ее фонетическим модификациям в разных источниках, в результате чего этимологические работы П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша нередко завершались фонетической реконструкцией, особенно если морфемная реконструкция оказывалась невозможной.

Особым вниманием русских тюркологов пользовалась семасиологическая сторона в этимологическом анализе.

Методика этимологического анализа русской классической тюркологии, проверенная временем, без принципиальных изменений сохраняется в советской тюркологии.

В работах В. Банга был сделан еще шаг в совершенствовании приемов этимологических исследований на тюркском материале. Сохраняя принцип морфемного анализа в своих этимологиях, В. Банг предпринял специальные исследования целого ряда словообразующих (и формообразующих) аффиксов, но в его этимологических разработках особое внимание нередко занимал фонетический анализ лексической основы или словообразовательного аффикса, реконструкция их фонетического архетипа¹⁶.

Основные приемы сравнительно-исторического анализа В. Банга в области этимологии и исторической лексикологии без существенных изменений сохраняются в работах А. фон Габен¹⁷, К. Брокельмана¹⁸ и др.

Многочисленные работы Г. Рамстедта¹⁹, а также других представителей его школы — М. Рясненна²⁰, А. Йоки²¹ и других по приемам этимологического анализа примыкают к зарубежным, отчасти к отечественным разысканиям дооктябрьского времени, как это можно видеть, например, в ранних работах Г. Рамстедта.

К господствующему направлению зарубежных этимологических исследований принадлежат также работы Дж. Клоусона²², Г. Дёрфера²³ и др.

¹⁴ П. М. М е л и о р а н с к и й, Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве, ИОРЯС, VII, кн. 2, 1902; е г о ж е, Вторая статья о турецких элементах в языке Слова о полку Игореве (ответ Ф. Е. Коршу), ИОРЯС, X, кн. 2, 1905.

¹⁵ Ф. Е. К о р ш, Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве, ИОРЯС, VIII, кн. 4, 1904; е г о ж е, По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского «О турецких элементах в языке Слова о полку Игореве», СПб., отд. отт. из ИОРЯС, XI, кн. 1, 1906.

¹⁶ W. B a n g, Beiträge zur türkischen Wortforschung, Túrán, 1918, Majus, 5 szam; November—Deszember, 9—10 szam; е г о ж е, Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1 — APAW, 1917, 6; 2, 3 — APAW, 1919, 5; 4 — APAW, 1921, 2; е г о ж е, Studien zur vergleichenden Grammatik der Türkisprachen, 1—SPAW, XXII, 1916; 2 — SPAW, XXXVII, 1916; 3 — SPAW, LI, 1916; е г о ж е, Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, I—VII: UJb., V, 1925; VII, 1927; X, 1930; XII, 1932; XIV, 1934.

¹⁷ A. v o n G a b a i n, Alttürkische Grammatik, 2 Aufl., Leipzig, 1950; е е ж е, Türkische Turfan-Texte, VIII, Berlin, 1954; е е ж е, Türkische Turfan-Texte, IX, Berlin, 1958; е е ж е, Türkische Turfan-Texte, X, Berlin, 1959.

¹⁸ C. B r o c k e l m a n n, Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratur-sprachen Mittelasiens, Leiden, 1954.

¹⁹ G. J. R a m s t e d t, Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen, JSFOu, XXVIII, 1912; е г о ж е, Studies in Korean etymology, Helsinki, 1949; е г о ж е, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, Formenlehre, Helsinki, 1952; е г о ж е, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I. Lautlehre, Helsinki, 1957.

²⁰ M. R ä s ä n e n, Uralaltaische Wortforschungen, «Stud. or.», XVIII, 3, 1955; е г о ж е, Uralaltaische Forschungen, UAJb, XXV, 1—2, 1953; е г о ж е, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen, Helsinki, 1969; е г о ж е, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957.

²¹ A. J o k i, Die Lehnwörter des Sajan-Samojedischen, Helsinki, 1952.

²² G. C l a u s o n, Turkish and Mongolian studies, London, 1962; е г о ж е, An etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish, Oxford, 1972.

²³ G. D o e r f e r, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen..., I, II, III; е г о ж е, Khalaj materials, The Hague, 1971.

Сказанное об этимологических исследованиях в индоевропейском и тюркском языкознании указывает на различие в задачах этимологического анализа в тех и других языках, обусловленных лексико-грамматической природой слова в них, т. е. с флективной природой индоевропейских и агглютинативной природой тюркских языков.

В последние десятилетия немало пишется об относительности фактических отличий²⁴ между этими структурными типами, о том, что в различных индоевропейских языках известны факты агглютинации, даже парадигматического порядка, как считают некоторые; в свою очередь тюркским языкам не чужды явления флексии, к которой, говорят сторонники этого взгляда, можно отнести, например, фузию и некоторые другие явления.

Однако все такие факты составляют отклонения, которые не способны сколь-нибудь существенно ослабить господствующий структурный тип.

Поэтому естественным образом возникает вопрос о соотношении и месте морфологической и фонетической реконструкции при этимологизации тюркской неодносложной (и при определенных условиях односложной) основы, в частности, во всех ли случаях необходима фонетическая реконструкция всей основы или будет более достоверной и доказательной лексико-грамматическая и фонетическая реконструкция корневой и словообразовательной морфем, образующих этимологизируемую основу.

В самом деле, что можно узнать о фоно-морфо-семантическом прошлом основы *ajaq* и т. д. (в современных языках) «нога» из фонетической реконструкции ее архетипа (праформы) в виде **adaq*, если из морфемного анализа данной основы выясняется, что она является производной формой, образованной от глагола *at-(āt-) ~ ad- ~ aj-* «ступать, шагать, ходить», зарегистрированного в современных языках и памятниках или вычленяемого из ряда производных, и отглагольно-именного словообразовательного показателя *-(α)q...* со значением орудия/средства действия? Да и можно ли принять этот фонетический архетип за старейший, если названный глагол не отмечался в форме *ad-*? Точно так же мало что можно узнать о происхождении глагола «лизать» по одному его фонетическому архетипу, реконструированному в виде **jālyā-*, когда морфемный анализ приводит нас к производящей основе *jal* «жидкая пища для собак» и отглагольно-именному словообразовательному аффиксу *-qa-* (или *-a-* : *jal-a-*) со значением объекта действия.

Как видно из этих справок, и в данном случае приведенный фонетический архетип не оказывается предельно достижимым, так как более старый фонетический облик глагола имеет вид **jal-qa-*, а отсюда в дальнейшем **jal-ya-*.

Аналогичные замечания может вызвать и реконструируемая фонетическая праформа **jyltyra-* «сверкать, блистать». Глагол **jyltyra-* образован от подражательного корня *jyl/jal* + модификатор со значением прерывности *-t* + модификатор со значением протяженности действия *-yr* + глаголообразующий аффикс *-a-*. Следовательно, его фонемный архетип — если только он вообще нужен — имеет вид **jal-t-yr-a-*. Аналогично: **bert-* «вывихнуть» восходит к **ber-* «быть вывихнутым; быть поврежденным» + аффикс понудительности/переходности *-(α)t-* и, следовательно, старейшая форма глагола не **bert-*, а **ber-(i)-t-*; **adyr-* (но лучше *adyr-*) — из **ad-* + показатель понудительности/переходности *-(α)r-*, следовательно, фонетический архетип всего слова — если только в нем имеется надобность — будет **ad-ir-* и т. п.

²⁴ «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963 (см. статьи Н. А. Баскакова, Т. А. Бертагаева, Б. А. Серебrenникова, О. П. Суника); «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965 (см. статьи Т. А. Бертагаева, Б. А. Серебrenникова, О. П. Суника).

Восстановление фонетической праформы всей основы без учета ее морфемного состава чревато смешением фонетических и морфологических явлений, как это можно видеть в **tyyyr'* — в кирг., казах. *tyyyz* «тесный; плотный», которое образовалось от глагола *tyq-* «набивать; закладывать; затыкать» + отглагольно-именной словообразовательный показатель $-(\alpha)z$, здесь имеющий атрибутивное значение; следовательно, фонетическая праформа основы будет иметь вид **tyq-yz* и $-(y)z$ в данном производном не фонетический, а морфологический факт, и для реконструкции $-z > *-r'$ оснований нет.

Реконструкция фонетической праформы основы в принципе не может быть панхронической и нуждается в относительной хронологизации. Это условие нелегко соблюсти в отношении основ с обыденными значениями, примеры которых приводились выше. Но в ряде случаев это возможно и нужно. Так, в половецком «Кодексе» встречается обозначение для «церкви, храма», которое издатель словаря «Кодекса» К. Грэнбек достаточно доказательно читал как *jux-öv*²⁵, восходящее к **yjuq ev* букв. «святой дом» → «храм, церковь». Переход *yjuq-ev* в *jux-öv* затруднений не представляет, так как эволюция $q > x$ массово представлена в «Кодексе», редукция же и элизия анлаутного предударного узкого гласного хорошо известна в кыпчакских и других группах тюркских языков. Приведенное **yjuq ev* — не древнейшая форма этих слов. Их более старая форма имеет фонетический облик **yduq* (~ *ǰduq*) *eb*, который можно было бы принять за праформу *jux-öv*. Но тюрколог не имеет права на это, так как в эпоху существования форм *yduq* и *eb* турки христианских храмов еще не знали и вряд ли могли создать словосочетание *yduq eb* для обозначения неизвестного им предмета «церковь, храм».

Число примеров приведенного выше типа при необходимости может быть значительно увеличено, но в этом едва ли имеется надобность, поскольку из приведенных образцов ясно, что реконструкция древнейшего состояния этимологизируемой основы по одним лишь фонетическим данным недостаточна, она может придать неверное направление для этимологизации и оказаться ошибочной.

Фономорфемная реконструкция, разумеется, не формальный акт. Она всегда предполагает конкретную квалификацию каждой морфемы, входящей в этимологизируемую основу. Довольно часты лексические основы, морфологическая реконструкция которых может обойтись без лексико-грамматической и фонетической квалификации исходных морфем, образовавших основу. В таких случаях достаточна условная запись, из которой без труда можно узнать о морфемном составе лексической основы. Так, например, запись **böğ-ček* говорит о том, что слово *böğek* «насекомое; козявка» и т. п. в турецком, крымскотатарском и др. возникло из *bög* «вид насекомого» (Kāšǰ. III_{131, 141}) и показателя с уподобительно-уменьшительным значением в форме *-čaq*. Или другая запись: **jal-t* — подражательное слово, передающее вспышку, сверканье; из записи нетрудно заключить, что данное слово сложилось из сочетания корня *jal* с тем же значением и модификатора *-t*, означающего прерывность действия. Еще одна запись: **böğür-ek* (или **büğür-ek*), которая тюркологу говорит о том, что *böğrek* ~ *bövrek* ~ *böjrek* и т. д. «почка, почки» образовалось из *böğür/büğür* со значением «почка, почки; бок; бедро» и показателя $-(a)q$ с уподобительно-уменьшительным значением.

Разумеется, такие записи может понять лингвист-тюрколог, языковеду другой специальности это удастся не всегда.

Однако даже опытнейший тюрколог вряд ли сможет как следует понять

²⁵ К. Г р ö н б е с h, Komanisches Wörterbuch, København, 1942, стр. 132.

содержание записей, подобных следующим: *jepil < *jen-gil* «легкий», *jumdir-ıq «кулак», **qan'-aq* «сливки», *tarla-γ «поле», *til-ğik «клеветник» < *til, til* «язык», *torıq «лодыжка» < *top* «мяч», **tun'a-q* «копыто; ноготь; коготь» и т. п. Что означают в этих реконструкциях их первые элементы и что вторые, какими морфосемантическими отношениями они связаны между собой — остается неясным, и потому запись в таком виде ни о чем не говорит, создавая лишь формальную видимость морфемного членения приведенных основ.

После всего сказанного правомерен вопрос: можно ли в о о б щ е отказываться от реконструкции фонетического архетипа реконструируемой основы. Нет, в о о б щ е отказываться нельзя, так как в значительном числе случаев восстановление древнейшего морфемного состава основы, в том числе и неодносложной, невозможно. В подобных условиях тюрколог в ы н у ж д е н довольствоваться единственной возможностью: на основе фонетических данных об этимологизируемом слове и его фонетических модификациях, на основании известных в науке фонетических закономерностей, относящихся и к данному слову, восстановить наиболее доступный первоначальный фонетический облик данной основы. Так приходится поступать в отношении большинства односложных и целого ряда неодносложных основ, например, **ad-* или **ad-* «приходить в себя; отрезвляться» при современном *aj-* (преимущественно в составе производных *aj-ıl-*, *aj-ıq* и т. д.); **a:l* «алый» при современных и в памятниках *a:l*, *al* в том же значении; **a:r-* «уставать» при современных и в памятниках (*h*)*ar-*, *a:r-*, *ar - u-* в том же значении, «худеть» якут. (*ır-*), *ar-ıq* «тощий» и т. д.; **a:š-* «переваливать» (через что) при современных и в памятниках *a:š-*, *aš-* в том же значении, *aš-a* «через; по ту сторону», *aš-ın-* «подниматься» и т. д.; **a : t* «имя» при современных и в памятниках *a:t*, *at* то же, *a:da-*, *ada-* «называть»; **a:z* «малый» при современных и в памятниках *a:z*, *az* в том же значении; **be:l* «поясница; талия» при современных и в памятниках *bi:l*, *bel* и др. в том же значении; **bešik/bešük* или **bešik/bėšük* при современных и в памятниках *bešik*, *bi:šik*, *bėšük* и т. д. в том же значении; *qoγ «(про)гнать» при современных *qoγ-*, *qov-* и т. д. в том же значении и др.; **ju:rt* «страна, край» и др. при современных и в памятниках *ju:rt*, *jurt* в том же значении и др.; **ča:qa* «птенец; дитя, ребенок» при современных и в памятниках *čaqa* (в составе парного *bala čaqa* «дети, детвора»), *čaqa* в том же значении и большое число других односложных и нередко неодносложных основ.

Выше мы остановились лишь на распространенных и типичных случаях этимологизации в сравнительно-исторических работах по тюркской лексикологии, оставляя в стороне переходные формы между типичными случаями, поскольку они не могут прибавить чего-либо существенно нового к тому, что уже было сказано.

Научно-исследовательская работа, ведущаяся в тюркологических центрах страны, в настоящее время начинает развиваться в новых направлениях, среди которых сравнительно-исторические исследования должны быть отмечены особо ввиду их значения для углубления научной работы в тюркологии.

В свете этого приобретает актуальное значение дальнейшая отработка и дифференциация методик, применяемых в сравнительно-исторических разысканиях, и среди них не в последнюю очередь методика реконструкции архетипа.